

Цзянчэнский университет уже всю охватила осень. Листья платанов, окрашенные в золото, кружились в танце, опадая под порывами прохладного утреннего ветра.

По главной аллее кампуса сплошным потоком двигались люди, наполняя пространство шумом и энергией, присущими лишь молодости. Однако стоило двум фигурам появиться на этой дороге, как окружающий гвалт странным образом стихал на мгновение, чтобы тут же взорваться еще более яростным, едва сдерживаемым шепотом.

Цзян Янь, как всегда, был в простом темном тренировочном костюме. Его походка была уверенной, а фиолетовые глаза оставались спокойными и безмятежными, словно обжигающие взгляды и гул голосов вокруг были лишь легким ветерком, скользящим мимо ушей. Впрочем, в руках у него появилась новая деталь — стакан с золотистым тисненым логотипом, по стенкам которого стекали капельки влаги: жасминовый молочный кофе из «Облачного Тайного царства».

Лу Чэнь, следовавший за ним в полушаге, напоминал ходячий прожектор. Его дорогое дизайнерское пальто было распахнуто, открывая безупречно сшитую рубашку. На губах играла привычная ленивая улыбка, а в золотистых глазах светилось озорство. Он тоже держал стакан с таким же напитком и время от времени делал глоток, издавая довольный вздох. Он даже нашел в себе силы подмигнуть нескольким девушкам, тайком снимавшим его на телефоны, чем вызвал у них волну сдавленных визгов.

— Хм, кажется, сегодня с сахаром перемудрили, немного пресновато, — Лу Чэнь слегка взболтал стакан и придвинулся ближе к Цзян Яню. Говорил он негромко, но ровно так, чтобы стоящие рядом любопытные студенты могли расслышать. — Может, завтра попросить их добавить побольше сиропа? Ты любишь послаще или...

Цзян Янь, не сводя взгляда с дороги, холодно отрезал:

— Заткнись.

Лу Чэнь ничуть не смутился, напротив, его улыбка стала еще шире, и он нарочно с громким звуком потянул кофе через трубочку.

С тех пор как они вернулись из Тайного царства Леса призрачных рыданий, Цзян Янь больше не отказывался от его ежедневной «подачи чая». Пусть он по-прежнему держал ледяное лицо и бросал фразы вроде «заткнись» или «какая чушь», дорогой напиток неизменно оказывался в его руках и... в конечном итоге выпивался.

Это тонкое «потакание» было подобно глубоководной бомбе, сброшенной в спокойное озеро.

На главном анонимном форуме Цзянчэнского университета «Тайны Цзянда» висела закрепленная тема, популярность которой не угасала. Заголовок был кричащим:

□Срочно! Молодой повеса покоряет ледяного отличника молочным чаем! Ежедневные

подношения подтверждены! Что это — сила денег или исцеление истинной любовью? [Много фото, доказательства прилагаются]□

Первый пост был усыпан фотографиями, сделанными с разных ракурсов: Лу Чэнь с улыбкой протягивает чай, Цзян Янь с каменным лицом его принимает; они идут плечом к плечу по аллее, в руках у Цзян Яня стакан; Лу Чэнь наклоняется к нему, что-то говоря с улыбкой, а Цзян Янь, хоть и хмурится, не отстраняется... Каждый кадр был пойман в идеальный момент и полон скрытого смысла.

Комментарии под постом уже превратились в настоящий небоскреб:

1-й: А-а-а-а! Я умираю! Еще один день, когда я плачу от этой прекрасной любви! Молодой господин Лу так заботлив!

2-й: Проснитесь, народ! Разве это таяние ледника? Это называется принуждение к работе! Вы только посмотрите на этот взгляд, полный отвращения!

3-й: Нет-нет-нет! Вы ничего не понимаете! Это называется «язык говорит одно, а сердце — другое»! Если не отказался, значит, это высшая степень симпатии!

15-й: Только меня волнует, сколько стоит этот чай? Это же «Облачное Тайное царство»! Один стакан — это моя недельная стипендия! Лу решил пробить ледяную стену деньгами?

27-й: Вы все поверхностны! Посмотрите, как Лу смотрит на Цзян Яня! Там же искры! Это же явно глубокие чувства, вынашиваемые долгое время!

45-й: Кстати... один — гений, другой — бездельник (хотя и с бездонным кошельком), один холодный, другой развязный... Как так вышло, что эта пара выглядит так гармонично?

89-й: Отмечаюсь ежедневно! Жду обновлений! Выпил ли сегодня отличник Цзян чай? Выпил! Улыбнулся ли господин Лу? Улыбнулся! Считаю, что это официальное заявление!

Лу Чэнь в этот момент полулежал на своей кровати в общежитии 612, закинув ногу на ногу. Его пальцы быстро порхали по экрану телефона, а улыбка не сходила с лица. Он даже завел фейковый аккаунт, чтобы с жаром отвечать в теме:

Пользователь «Маленькая женушка Небесного императора»: А-а-а, сестренка выше, ты меня понимаешь! Этот взгляд Лу! Это любовь! Это судьба, согласно которой он должен найти тебя, даже пройдя через перерождения! (Вижу восторженный крик)

Отправив сообщение, он сам не сдержался и рассмеялся. Его золотистые глаза светились удовольствием, как у ребенка, чья шалость удалась.

— Глупости, — раздался холодный голос со стороны письменного стола.

Цзян Янь сидел перед столом, но перед ним были не учебники, а подробнейшая карта рельефа Цзянчэна и окрестных гор, испещренная символами. Его пальцы быстро скользили по голографическому экрану, вызывая отчеты о геологии, записи об аномальной энергии и даже древние легенды из горных деревень. Его фиолетовые глаза были сосредоточены и холодны, словно слово «глупости» было лишь мимолетным комментарием к погоде.

Лу Чэнь отложил телефон и с улыбкой посмотрел на сосредоточенный профиль Цзян Яня:

— Почему глупости? Это значит, что глаза у народа зоркие! Смотри, все считают, что мы отлично подходим друг другу... — он растянул слова, вкладывая в них долю насмешливого зондирования.

Цзян Янь даже не поднял головы. Он указал пальцем на отмеченный на карте опасный горный район под названием Ущелье Разрубленного дракона и произнес без единой эмоции в голосе:

— Цель — горный дух. Предварительно место определено здесь. Узел Земной жилы стабилен, остались следы слабой древней духовной энергии, что соответствует признакам горного духа, набравшего силу. В последнее время энергетические колебания там крайне активны, есть подозрение на мутацию.

Тема разговора сменилась настолько резко и холодно, что все игривые мысли Лу Чэня мгновенно улетучились.

Улыбка на лице Лу Чэня на секунду застыла, но затем он обреченно поджал губы, сел и тоже внимательно посмотрел на карту:

— Ущелье Разрубленного дракона? Звучит как богом забытое место. Горный дух... Надеюсь, он окажется понятливым и не таким проблемным, как та тварь из Небесных Демонов в прошлый раз.

Он вспомнил, в каком жалком состоянии они вернулись из Леса призрачных рыданий, и машинально коснулся груди — там, казалось, до сих пор жила фантомная боль от разъедания души.

— Даровать титул горного духа, привести в порядок узлы Земной жилы, собрать духовную энергию гор и рек, — голос Цзян Яня оставался холодным, но в глубине фиолетовых глаз промелькнул острый, сосредоточенный блеск. — Для стабилизации узлов «сети» и подпитки твоего первоначала это критически важно.

Он непроизвольно постучал пальцами по столу, издав сухой звук:

— Ошибки быть не должно.

Лу Чэнь на мгновение замер.

Он смотрел на холодный профиль Цзян Яня, на сосредоточенность в его фиолетовых глазах, не допускающую возражений, словно тот планировал важнейшую стратегическую операцию. Тепло, нахлынувшее без предупреждения, развеяло легкое разочарование от того, что его слова проигнорировали.

Этот парень... хоть и никогда не говорил об этом, оставаясь холодным, как лед, но дарование титула новому божеству, чтобы восстановить его душу... очевидно, стало для Цзян Яня делом первостепенной важности. Он поставил это в самый центр своей работы по восстановлению порядка в Трех Мирах.

Такое безмолвное, выраженное лишь действиями внимание заставляло сердце Лу Чэня пылать сильнее, чем любые сладкие речи.

— Ладно, — Лу Чэнь отбросил шутливый тон, его золотистые глаза стали серьезными, с достоинством, подобающим Небесному императору. — Ты определяешь цель, я отвечаю за «поджог». В этот раз... я буду действовать с умом, — он помолчал, глядя на Цзян Яня. — Обещаю, не буду тянуть тебя на дно.

Цзян Янь бросил на него взгляд и ничего не ответил, но его холодные фиолетовые глаза, казалось, самую малость потеплели.

Он снова переключил внимание на карту и потоки данных на экране.

Ущелье Разрубленного дракона оправдывало свое название. По обе стороны возвышались отвесные скалы, словно разрубленные топором, с голыми выступами серо-черного камня и редкой растительностью. Узкий, извилистый горный поток, будто проложенный гигантским лезвием, нес мутную воду, издававшую глухой гул. В воздухе стоял тяжелый запах сырой земли и гнетущая, дикая аура, казалось, копившаяся здесь бесчисленные века.

Цзян Янь и Лу Чэнь с трудом пробирались по древней тропе, почти полностью поглощенной сорной травой. Цзян Янь был окутан сдержанной ледяной аурой, разгонявшей влажный горный туман. Лу Чэнь был гораздо осторожнее: его зоркие золотистые глаза сканировали отвесные стены и скользкую тропу, а на кончиках пальцев едва заметно мерцали золотые электрические искры, считывая малейшие изменения энергии.

— Мы пришли, — Цзян Янь остановился на относительно широкой каменной площадке, окруженной скалами с трех сторон.

В центре площадки возвышалось огромное древнее камфорное дерево!

Оно было невероятно старым: кора растрескалась, напоминая чешую дракона, а узловатые ветви, словно когти гиганта, тянулись к серому небу. Крона была редкой, местами почти засохшей, но ствол — необычайно толстым, в несколько обхватов.

Самым примечательным было то, что в его мощные корни, глубоко вросшие в трещины скал, были впечатаны ржавые обломки металла, почти слившиеся с камнем: остатки рукоятей мечей, сломанные наконечники копий, деформированные пластины доспехов... От них исходил резкий запах ржавчины и крови, словно они рассказывали о некогда произошедшей здесь кровавой резне.

Из самой глубины ствола исходило слабое, но невероятно стойкое духовное колебание. В нем чувствовалась глубокая усталость, тяжелая воля к защите и мучительная борьба существа, которое так долго пропитывалось аурой крови и убийств, что почти утратило собственное «я».

— Чувствуешь? — Цзян Янь, не отводя взгляда от дерева, понизил голос. — Духовная сущность сильна, но... кармических долгов слишком много, а злоба глубока. Слишком долго оно впитывало ауру сражений этого древнего поля боя, боюсь, рассудок почти помутился.

Золотистые глаза Лу Чэня стали серьезными. Он ощутил хаотичную жажду убийства и глубоко скрытое упорство в защите, исходящие от этого существа, и кивнул:

— Да, все очень запутанно. Словно сторож, охраняющий кладбище, которого вот-вот поглотит злоба этого места, — он посмотрел на Цзян Яня. — Можешь подтвердить, что его истинная природа еще жива?

Цзян Янь закрыл глаза, и его невидимое восприятие, подобно ледяным щупальцам, тихо коснулось ядра камфорного дерева. Через мгновение он открыл глаза, и в их глубине промелькнул призрачный свет:

— В самом сердце души, под слоями кровавой злобы, затаилась крупца чистого духа «защиты». Она слаба, как пламя свечи на ветру, но... она не погасла, — он взглянул на Лу Чэня. — Его можно спасти и запечатать. Но сначала нужно... очистить его от злобы и пробудить его первоначальное сознание.

— Очистить от злобы... — Лу Чэнь посмотрел на ржавые остатки оружия под деревом и ощутил древнюю кровавую ауру, способную пробудить ярость в любом сердце. Его золотистые глаза сузились. — Работа... предстоит не из легких.

Цзян Янь промолчал, лишь медленно поднял правую руку. В его ладони стремительно сгустился темно-синий холод Юомина, источающий волю, способную заморозить душу и сковать любое зло. Его взгляд был прикован к узловатому стволу камфорного дерева, а фиолетовые глаза горели холодной решимостью.

Очистить от злобы, пробудить истинное сердце.

Даровать титул горного духа, стабилизировать Земную жилу.

Ради той «сети», что должна заполнить пустоту, и ради того, чтобы этот золотоокий болван сплевывал меньше крови...

Как бы трудно ни было, он это сделает.

<http://bllate.org/book/18859/1839914>